

Саммит «Большой восьмерки», который впервые в полноценном формате пройдет 15–17 июля 2006 г. на российской земле, в Санкт-Петербурге, российская правящая элита не случайно отнесла к числу «культовых» событий года.

В 1995 г. окружение Б.Н. Ельцина сочинило специальный саммит в формате «семерка плюс Россия» для обсуждения проблем ядерной безопасности, чтобы через роскошные приемы в свежестроенных кремлевских дворцах указать если не на равную, то хотя бы на (все еще) значимую роль России в ключевых международных механизмах и, как говорится, *повысить имидж России в мире*. Тогда, правда, была еще и *спецзадача*: требовалась поддержка мировых лидеров политически угасавшему Ельцину накануне президентских выборов лета 1996 г., и саммит, пройдя за пару месяцев до выборов и не оставив заметных следов в решении вопросов ядерной энергетики, запомнился именно тем, что такая поддержка Ельцину мировыми лидерами была оказана. В июле 2006 г. В.В. Путин будет, похоже, решать иную задачу: как можно меньше замыкаться на собственной персоне; личная поддержка со стороны коллег по «восьмерке» ему не требуется. Так что акцент будет сделан все-таки на продвижении в мир, «раскручивании» России, а не ее президента и даже не его родного города.

Стартовало «раскручивание имиджа» скверно. Во-первых, межведомственные нестыковки (как часто бывает и в других случаях) привели накануне старта председательства к элементарной неразберихе. Во-вторых, партнеры-соперники по «восьмерке» пытаются оставить Россию за дверью обсуждений святая святых этого «клуба» – валютно-финансовых вопросов. В-третьих, некстати пришлось обсуждение в Госдуме в декабре 2005 г. слабого, непрофессионально написанного законопроекта с поправками к Закону о некоммерческих организациях. Наконец, показав зубы Украине в «газовом вопросе», Россия заставила даже самых близких своих партнеров в Европе заговорить о необходимости «диверсификации импорта энергоресурсов». Было это как раз в первые дни председательства России в «восьмерке» и вряд ли вполне совпадало с кремлевским сценарием, открывающимся словами «энергетическая безопасность – главная тема петербургского саммита».

Действительно, когда думаешь о том, чем Россия сейчас *сильна*, первое, что приходит в голову – энергетика. Тут наша страна достигает, наряду разве что с женским теннисом, наибольшего индекса цитирования в мировых СМИ. Правда, сложно не признать, что заслуга здесь в основном факторов сугубо внешних: богатства российских недр плюс нынешняя мировая конъюнктура. Больше того, *petrostate* становится достаточно обидным эпитетом в отношении России, подразумевающим отнюдь не ее богатство и мощь, а сырьевой характер экономики плюс вопиющую коррумпированность. Через запятую идут «нефтяная развращенность» и «нефтяная игла».

Надо сказать, мало кто в Кремле считает постыдным, что Россия – это *petrostate*. Но мировую молву оказалось невозможно не учитывать. Поэтому энергетическая составляющая саммита будет сакцентирована на тему, в равной степени интересующую всех семерых визитеров (плюс хозяина), но позволяющую России не подставляться, а именно – безопасности энергопотоков (будь то трубопроводы или АЭС) и их диверсификации, особенно с учетом роли «восходящей Азии», а также с учетом развития перерабатывающих мощностей. Собранные под зонтик расплывчатого понятия «энергетическая безопасность», эти дискуссии в равной степени будут пахнуть и нефтью, и порохом борьбы с терроризмом.

Хотя проблематика атомной энергетики будет второстепенной, на саммите есть шанс «закрыть» чернобыльскую страницу – соответствующий доклад, в котором констатируется колоссальная преувеличенность слухов и страхов по поводу последствий Чернобыльской аварии по сравнению с сегодняшней действительностью, уже выпущен под эгидой ООН, при участии и с одобрения в том числе правительства России – и зафиксировать начало ренессанса атомной энергетики. Наряду с Россией к этому уже готовы Франция, Япония, Канада. США не просто готовы, для них эта тема выходит на первый план. Об интересе к атомной энергетике вдруг заговорила Италия. А Германия – с учетом взглядов А. Меркель, как минимум, не будет возражать. Далее, любопытной, перспективной является инициатива России по созданию Международного центра по обогащению урана в Сибири. Здесь партнерами России могут выступить не только некоторые государства «восьмерки», но и Китай, Индия, Казахстан, Узбекистан; как известно, первым для участия в проекте был приглашен Иран. Наконец, Россия планирует продвигать на «восьмерке» развитие реакторов на быстрых нейтронах – идея, устремленная в будущее и встретившая симпатию у ряда партнеров России по «восьмерке».

Второй неоспоримый компонент российской *силы* – ядерное оружие. По количеству боеголовок Россия так же находится среди мировых лидеров (твердо удерживая второе место, но всегда имея шанс оказаться и на первом), как и по производству и экспорту нефти. Вопросы ядерного нераспространения и ядерной безопасности, равно как и ядерного терроризма, непременно (и традиционно) будут занимать весомое место на саммите. Москва и по поводу своего ядерного наследия не собирается (в отличие от иных саммитов) «комплексовать». Как и не собирается от него отказываться.

Кремль не собирается «комплексовать» и по поводу вопросов ядерной безопасности, долгое время ритуальных для саммитов «восьмерки», причем преимущественно именно в российском контексте. Слухи о масштабах незаконного оборота ядерных материалов оказались сильно преувеличены (из всего, что пропало или было похищено за последнее десятилетие, можно смастерить не больше 2% того, что нужно для одного ядерного взрывного устройства, авторитетно заявляет сегодня МАГАТЭ). Основные проблемы безопасности ядерно-опасных объектов (прежде всего тех, что находятся в ведении Министерства обороны России) решены – либо за счет российских бюджетных средств, либо за счет международного содействия, в том числе и того, которое оказывается в рамках программы Глобального партнерства.

Нельзя не признать, что программа эта сейчас находится на боку, в том числе в результате того, что ряд государств – в частности, Франция и Япония – оказались сильны в обещаниях содействия, но не в реальных шагах. Но вряд ли у руководства России есть намерение впадать в политистерику по поводу недополучения значительных сумм из тех, которые были заявлены. Больше того, там считают, что партнеры России по «восьмерке» должны быть не менее России заинтересованы в обеспечении ее ядерной безопасности, равно как и в выполнении двух ключевых направлений Глобального партнерства: уничтожении химического оружия и утилизации атомных подводных лодок. Иными словами, дареному коню также в зубы смотреть никто не будет, но при одном условии – если этот конь не троянский. Здесь ключевым словом становится «взаимость». Транспарентность в обмен на транспарентность. Эра игры в одни ворота закончилась, убеждены в Кремле.

На «восьмерке» Москва может охотно говорить на военно-ядерные темы, но инициативу здесь проявлять не будет – отсюда и отсутствие этой тематики в списке оглашенных приоритетов.

Что касается «традиционных» тем нераспространения, то здесь повестка дня к саммиту может измениться еще многократно, в зависимости от динамики ситуации в том или ином регионе. Но вот в каком порядке многие в России выстроили бы свои обеспокоенности сегодня: первым номером – Пакистан; вторым – Северная Корея; третьим – Иран; четвертым – негосударственные субъекты международных отношений, рвущиеся к обладанию компонентами ОМУ.

Размышляя о своих приоритетах – и о приоритетах саммита-2006, в Кремле проделали достаточно интересную эволюцию.

Во-первых, от проблем *hard security* – классических, знакомых, где тексты итоговых заявлений можно писать сильно загодя, вектор заметно сдвинулся в сторону *soft security*, и появление «образования» среди приоритетов саммита и председательства – тому наилучший пример.

Во-вторых, Россия постепенно от эйфории по поводу того, что удалось вписаться почти на равных в «восьмерку», переходит к более спокойному, взвешенному восприятию этого механизма. При этом изучаются возможности формирования и других «элитных клубов», где Москва чувствовала бы себя на равных. Так, архитекторы новой внешней политики России все более серьезно смотрят на возможность выработки стратегии формирования «евразийского компонента» системы международной безопасности: то есть не ограничиваясь гигантами – КНР и Индией, но и открывая двери для таких очевидных партнеров, как Бразилия, Южная Корея, Малайзия, Южная Африка. При этом особая ставка делается, как сегодня уже многим становится ясно, на модификацию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Стабильность в Центральной Азии рассматривается как ключевой вопрос для эффективного формирования новых механизмов евразийской безопасности.

В-третьих, Кремль отдает себе отчет в том, что петербургский саммит не будет приятным «хоровым пением»: по многим ключевым вопросам интересы группы слишком различаются. Достаточно взять то же нераспространение, где за ритуальными фразами о единстве позиции по поводу Ирана скрываются совершенно разные интересы в отношении этого государства в будущем. Или образование: ЕС берет курс на «впитывание» умов из других государств, включая Россию. Это прямо противоречит интересам России. А контуры возможной будущей политики России по привлечению обратно получивших на Западе образование и осевших там высококлассных специалистов-россиян вряд ли придутся по нраву и Германии, и США, и Канаде.

В энергетике – тем более. Россия теперь иногда даже бравирует перед партнерами по «восьмерке» тем, что очередь на российские нефть и газ надо занимать не на Западе, а на Востоке и на Юге, то есть за Китаем и, может быть, за Индией. Смотрите, как растет напряжение в преддверии серьезных битв за «атомный экспорт» между Россией, Францией, Соединенными Штатами... А когда дело доходит до «цены вопроса», тут можно услышать вполне откровенное: «Почему мы должны все время думать о понятии «национальная катастрофа» в терминах американцев, других «восьмерочников»? Для нас национальная катастрофа – падение цен на нефть ниже 15 долларов за баррель». Надо ли говорить, что для большинства гостей В.В. Путина в Петербурге летом 2006 г. такой поворот стал бы национальным праздником.

Но вот что характерно: такая разница интересов между Россией и ее партнерами по «восьмерке» российских стратегов ничуть не смущает, как смущала бы еще несколько лет назад. Она просто диагностируется. Хладнокровно, по-врачебному. И, казалось бы, вопреки хилому старту председательства, вперед, на июльские даты глядят они без боязни: вряд ли в надежде на «добро», но вполне в расчете на «славу» – постольку, поскольку стали ощущать уже изрядно подзабытую «силу». А ощущение силы иногда важнее самой реально наличествующей силы.